

Наука о пространственной локализации ментальных явлений

© Н.Н. Губанов¹, Н.И. Губанов², И.В. Денисова²

¹МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

²Тюменский государственный медицинский университет,
Тюмень, 625023, Россия

Дана критика концепции персонализма, согласно которой, непосредственным носителем ментальных (психических) явлений служит система перцептивно-предметной деятельности и общественных отношений. Показано, что таким носителем являются нейродинамические системы головного мозга, а перцептивно-предметная деятельность является одним из условий адекватности чувственного познания. Выявлена необоснованность распространенной в англо-американской философии концепции расширенной психики, сторонники которой признают наличие ментальных явлений в знаковых системах, которые сейчас используются людьми. Обосновано, что трансляционные коды как системы внешних знаков не содержат в себе ментальных компонентов и не переносят их, а вызывают последние у субъектов, обладающих значениями знаков.

Ключевые слова: персонализм, эффекторная концепция психического образа, церебрализм, концепция расширенной психики, трансляционные коды, нейродинамические системы

Критика персонализма. Проблема пространственной локализации явлений психики имеет длительную историю. В древности она представляла собой вопрос о том, где находится душа. Демокрит и Эпикур полагали, что душа в виде особых круглых, подвижных атомов распределена по телу человека, а ее разумная часть находится в грудной клетке. Приблизительно в 500 г. до н. э. Алкмеон в результате открытия глазных нервов сделал вывод о том, что головной мозг — орган мыслительной деятельности и, следовательно, душа человека находится в его головном мозге, а с помощью глаз и глазных нервов человек созерцает мир [1, с. 171]. В дальнейшем многие философы-материалисты, нейрофизиологи, психологи, психиатры развивали положение о центральной мозговой локализации психических (ментальных) явлений.

Однако в последнее время на Западе некоторые философы оспаривают это положение. Так, Дж. МакДауэлл [2], М. Беннет и П. Хэкер [3] пишут, что ментальные характеристики нельзя приписывать мозгу. Концепцию, согласно которой ментальная жизнь личности складывается из состояний, событий и процессов в ее мозге, т. е. мозг служит непосредственным носителем ментальных явлений, философы назвали *церебрализмом*, а концепцию, созданную ими, — *персонализмом*.

Согласно концепции персонализма, ментальные характеристики могут приписываться только личностям. Как отмечает еще один сторонник персонализма, Д. Бекхерст, «ментальные явления имеют место не “внутри” личности, но представляют собой аспекты ее способа взаимодействия с миром» [4, с. 50].

Необходимо отметить, что взгляды указанных выше западных философов не являются оригинальными. Во второй половине XX в. отечественные авторы А.Н. Леонтьев, Э.В. Ильенков, Ф.Т. Михайлов, не признавая психику функцией головного мозга, развивали операционально-эффекторную концепцию образа, согласно которой идеальный образ является своеобразным, локализованным во внешней среде дубликатом объекта, который построен системой двигательных актов, совершаемых субъектом. Так, Ф.Т. Михайлов, активно защищавший указанную эффективную концепцию, писал, что психическое находится «именно во внешнем, лежащем передо мной мире», «зрительный образ — это движение глаза по предмету» [5, с. 149, 159]. По мнению указанных отечественных авторов, в процессе познания объект вначале моделируется в структуре деятельности, которая затем, отражаясь, переходит во внутренний план, или интериоризируется, — становится содержанием идеального образа, т. е. деятельность, составленная из операций, служит как непосредственным носителем образа, так и его содержанием.

В настоящее время взгляды, близкие к приведенным выше, развивают Д.В. Пивоваров и К.Н. Любутин. Они полагают, что носителем, или субстанцией, идеального образа выступает система операций субъекта с объектом. Раздел книги К.Н. Любутина и Д.В. Пивоварова называется «Операция как субстанция идеального образа» [6, с. 130]. Только если А.Н. Леонтьев и Ф.Т. Михайлов считали деятельность субъекта, составленную из действий и операций, непосредственным носителем чувственных образов, то К.Н. Любутин и Д.В. Пивоваров распространяют эту концепцию и на мысленные образы, т. е. на систему понятий.

Положение о предметной деятельности как непосредственном носителе идеальных образов представляется необоснованным в свете данных современной науки. Сторонники концепции персонализма смешивают непосредственный носитель сознания с условиями его исторического и индивидуального становления, обеспечения высокой адекватности чувственного отражения и его целенаправленности. Такими условиями выступают предметная деятельность субъекта, заключающаяся в разнообразных манипуляциях с вещами, и перцептивные движения — движения органов чувств и их элементов, конечностей и частей тела. Поскольку предметная деятельность и перцептивные движения выполняют в процессе познания сходные

функции, их можно, по мнению авторов статьи, объединить в одном понятии перцептивно-предметной деятельности.

Хотя мозг человека и его сознание возникли в ходе социального развития и предметной деятельности, а формирование адекватных идеальных образов возможно с помощью соответствующей перцептивно-предметной деятельности, единственной субстанцией, или носителем, сознания служат физиологические процессы головного мозга. В процессе предметно-практической деятельности сама эта деятельность отражается в сознании человека вместе с окружающим миром, формируя логику мышления. Можно, по-видимому, сказать, что операциональная, формально-логическая сторона мышления и сознания в определенной мере устанавливается как отражение инвариантов предметной деятельности, а объектно-содержательная сторона сознания служит отражением окружающего мира.

А.Н. Леонтьев, наиболее детально разработавший эффекторную концепцию чувственного образа, отмечал, что «ощущение не есть результат только центростремительного процесса, одного только начального плеча рефлекса, но в его основе лежит полный, и притом сложный, рефлекторный акт, подчиняющийся в своем формировании и протекании общим законам рефлекторной деятельности» [7, с. 171]. При этом перцептивно-предметную деятельность он отождествлял с психическим. Он рассматривал «уподобление процессов в рецептирующей системе как общий принципиальный механизм непосредственно чувственного отражения (курс. авт. — Н.Г., Н.Г., И.Д.) природы воздействующих свойств действительности» [7, с. 175]. Общая схема этапов чувственного отражения, по Леонтьеву, такова: воздействие предмета — процесс деятельности — идеальный образ как продукт деятельности. Заметим, что процесс деятельности, согласно Леонтьеву, предшествует психическому, т. е. деятельность осуществляется вначале без центральной психической регуляции, что в принципе невозможно: всякие действия, даже бессознательные, управляются импульсами из головного мозга.

В качестве подтверждения описанной схемы А.Н. Леонтьев приводил осязание, при котором орган осязания своим движением повторяет форму предмета. Момент уподобления процесса, составляющего эффекторное звено рецептирующей системы, имеет место в функционировании некоторых анализаторов. Однако механическое уподобление периферического анализаторного процесса внешнему воздействию относится к одному из условий, обеспечивающих высокую адекватность чувственного познания, но не есть само психическое — это «ткань» идеального образа. Движение руки, осязающей предмет, или глаза, рассматривающего контур предмета, можно считать отражением, но это не есть психическое отражение, как полагал А.Н. Леонтьев.

При возникновении адекватного чувственного образа действительно имеет место уподобление, но не то, которое имел в виду А.Н. Леонтьев. Адекватность чувственного образа, по мнению авторов статьи, непосредственно обеспечивается моделированием структуры отражаемого объекта организацией соответствующей нейродинамической системы головного мозга. Когда рука скользит по предмету или глаз совершает движения, осматривая предмет, то формирование чувственного образа происходит не этими механическими движениями, а нервной импульсацией от тактильных и зрительных рецепторов, а также проприорецептивной импульсацией от мышц, осуществляющих эти движения. Данная афферентная импульсация в центральные отделы анализаторов формирует нейродинамическую систему, служащую непосредственным носителем соответствующего чувственного образа. Цель разнообразных манипуляций с предметами и приборами в процессе чувственного познания не непосредственное моделирование в самих этих операциях изучаемых предметов, а создание условий для контактов между субъектом и предметами, необходимых для вычленения и отражения интересующих субъекта сторон и процессов в предметах.

Ментальные образы порождаются только головным мозгом, и все моторные процессы, чтобы стать достоянием психики, должны быть представлены в мозговых нейродинамических системах соответствующей импульсацией от мышц или зрительных рецепторов, фиксирующих совершаемые конечностями и частями тела движения [8, 9]. Как справедливо отмечал А.Г. Спиркин, «нельзя признать правильным утверждение, будто идеальное рождается и существует “не в голове”, а “с помощью головы” в реальной предметной деятельности человека. Было бы правильнее сказать, что идеальное возникает и существует в ходе и с помощью предметно-чувственной деятельности человека именно в голове» [10, с. 69].

Мышцы, проводящие нервы и рецепторы, так же, как и другие периферические (в отношении мозга) образования, связанные с органами чувств, не могут быть носителем ощущений и восприятий. Например, наличие зрительных ощущений возможно и при отсутствии периферической части анализатора. «Зрительные галлюцинации могут возникать даже после двухсторонней энуклеации глаз, а акустические — после двухсторонней перерезки слуховых нервов» [11, с. 562]. Галлюцинаторный образ не может быть системой перцептивно-предметных действий, так как предметов в этом случае нет. Галлюцинация не вызывается воздействием какого-либо предмета. Сказанное относится и к образам, возникающим при сновидениях.

Наиболее убедительным экспериментальным доказательством центральной мозговой локализации ментальных феноменов является непосредственное раздражение мозга человека электрическим током,

вызывающее у него ощущения цвета, света и более сложные психические явления. Психические акты переживаются при этом испытываемыми во времени и пространстве. Эти субъективные явления имеют разную модальность в зависимости от места раздражения. Они бывают зрительными, если электрод находится в определенных отделах затылочной области коры, слуховыми, если раздражается соответствующая поверхность височной доли, если же электроды наложены на постцентральную извилину, возникает своеобразное соматическое чувство [12, с. 45].

То, что моторные процессы не входят в число необходимых условий возникновения ощущений, а в определенных случаях и восприятий, показывает тот факт, что у здоровых людей зрительное восприятие возможно и в условиях полной неподвижности глазных мышц, вызванной большой дозой кураре. Признание наличия перцептивных движений не противоречит положению о центральной нейродинамической организации ментальных образов, поскольку такие движения организуются и управляются из центра.

О локализации психических явлений в головном мозге и неприемлемости операционально-эффекторной концепции психического образа свидетельствует наличие фантомных болей и ощущений после удаления конечностей. После ампутации руки или ноги человек может продолжать чувствовать конечность, ощущать в ней боль, считать, что в состоянии двигать ею и, забывая об ее отсутствии, даже пытаться ею пользоваться. Исследования показывают, что ни новокаиновая блокада, ни резекция невротомы не устраняют фантомные ощущения и боли, однако они исчезают после хирургического удаления некоторых участков коры мозга в чувствительной зоне.

Фантомные явления связаны с психическим проецированием этих ощущений и болей, локализованных в головном мозге, на соответствующие участки психической схемы тела, которая некоторое время, иногда весьма длительное, после ампутации конечности продолжает считать ее своей частью. В последнее время получены положительные результаты по устранению фантомных болей и исправлению схемы тела путем электрического раздражения определенных точек головного мозга, что также свидетельствует о центральной локализации ментальных феноменов [12, с. 46].

Перцептивные движения и предметная деятельность не являются необходимыми для возникновения ощущений, для этого достаточно возбуждения органов чувств. Движения и деятельность служат для структурирования уже возникших ощущений и формирования восприятий с высокой степенью адекватности, а также для целенаправленного познания внешнего мира. Перцептивно-предметная деятельность обеспечивает высокую адекватность чувственных образов не в результате прямого переноса формы механического движения в об-

раз, как полагал Леонтьев (структурность образа намного выше структурности движений), а в силу создания условий для многогранных контактов с предметом, развертывающихся в пространстве и времени. Такие многогранные контакты позволяют вычленять и отображать различные стороны и процессы в предметах, а также включать и выключать образно-знаковые механизмы анализаторов. Непосредственным условием адекватности чувственного образа является соответствие структур отражаемого предмета и нейродинамической мозговой модели, служащей носителем данного образа.

Система предметных операций не является носителем не только чувственных, но и мысленных образов, т. е. понятий и теорий. В филогенезе посредством отражения предметной деятельности, как было отмечено выше, формировалась логика мышления. В онтогенезе в первые детские годы отражение предметной деятельности тоже вносит некоторый вклад в возникновение логики понятийного мышления, хотя в основном оно формируется путем усвоения уже готовых форм логики в ходе общения при овладении речью. Речь имплицитно содержит в себе формы логики, поэтому, овладевая ею, ребенок автоматически овладевает и логическими формами мышления. Таким образом, предметная деятельность — одно из условий филогенетического и онтогенетического становления понятийного мышления. Его непосредственным носителем выступают нейродинамические системы головного мозга. Об этом свидетельствует то, что понятийное мышление после его возникновения может осуществляться вообще без всяких мышечных движений и операций. Доказать необоснованность представления об операциях как носителе мысленного образа можно, поставив вопрос о том, в какой структуре предметных операций может быть смоделировано, например, строение атомного ядра, или каким системам предметных операций соответствуют понятия «добро», «истина», «философия»? То, что относится к определенным аспектам исторического и индивидуального становления операциональной стороны сознания, нельзя относить к содержанию сознания.

Изложенное позволяет сделать выводы о том, что предметная деятельность служит одним из условий исторического и индивидуального становления сознания, а также целенаправленного исследования внешнего мира и высокой адекватности идеальных образов. Непосредственным носителем последних являются нейродинамические коды головного мозга. Поэтому идеальные образы локализованы там же, где пребывают эти коды, — в пространстве головного мозга.

Сторонники концепции персонализма не учитывают следующих фактов науки: у человека центром обработки информации служит головной мозг, он на основе синтеза всей информации (афферентного синтеза, по Анохину) принимает решения о характере деятельности

как системы действий. Чтобы собрать недостающую информацию, мозг включает перцептивно-предметную и интеллектуальную деятельность (движения глаз, ушей, шеи, рук, ног, поиск инструкций, руководств, чтение справочников, фундаментальных трудов, похищенных у конкурентов документов и др.). Но ментальности нет нигде, кроме нейродинамических систем головного мозга. Она возникает лишь при актуализации образов в мозге читающего, если последний обладает значениями коммуникативных знаков. Конструктивной постановкой проблемы «мозг — деятельность личности» может быть вопрос о том, какие роли играют мозг и различные формы перцептивной и иной деятельности, а также социальные отношения в познании мира и становлении личности.

Критика концепции расширенной психики. В последнее время на Западе весьма интенсивно обсуждается концепция расширенной психики. Ее авторами являются Э. Кларк и Д. Чалмерс. В работе «Расширенная психика» они пишут, что при определенных условиях компоненты человеческой психики могут быть расширены в мир за пределы субъекта. Некоторые объекты в окружающей среде, по их мнению, функционируют как часть ума [13, pp. 7–19]. Работа привлекла внимание многих философов, психологов и специалистов по когнитивной науке, вызвав оживленную дискуссию. Результаты этой дискуссии были частично отражены в вышедшей коллективной монографии «Расширенная психика» [14]. Кларк и Чалмерс были не единственными, кто стремился обосновать концепцию расширенной психики.

Так, Д. Деннет в работе, посвященной типам психики и интенциональности, высказал следующее предположение: первопричина более высокого интеллекта гоминид по сравнению с другими видами кроется вовсе не в большей вместительной способности их мозга (несколько большей, чем у близких людям видов, но меньшей, чем у дельфинов и китов), а в более эффективном умении выгружать когнитивные процессы, в том числе мысли (т. е. мыслительные проекты и деятельность) в окружающий мир, способный хранить, перерабатывать и по-новому представлять смыслы, направляя, усиливая и защищая процессы преобразования, которые и есть человеческое мышление. Эта широко распространенная практика выгрузки освобождает людей от ограниченности их животного мозга [15, с. 140].

Сходные идеи о возможности перехода ментальных процессов за пределы нервной системы непосредственно в среду высказывали и другие исследователи. Однако наиболее активно эту идею отстаивают Кларк и Чалмерс. Свой подход они называют активным экстернализмом. Ученые пишут: «Мы будем утверждать, что убеждения могут быть частично конституированы свойствами среды, когда те играют правильную роль в управлении когнитивными процессами.

И если это верно, то психика расширяется в мир» [13, р. 12]. Они обосновывали свою идею с помощью следующего мысленного эксперимента. Инга узнает от друга, что в музее современного искусства проходит интересная выставка и решает посетить ее. Она задумывается на секунду, вспоминает, что музей расположен на 53-й улице, идет на 53-ю улицу и приходит в музей. Теперь другая ситуация. Отто страдает от болезни Альцгеймера, и чтобы упорядочить свою жизнь, он, подобно многим пациентам с этой болезнью, полагается на информацию, расположенную в среде. Отто всегда берет с собой свою записную книжку, куда бы ни пошел. Для Отто она играет ту же роль, которую обычно выполняет биологическая память. Сегодня Отто узнает о выставке современного искусства и решает посетить ее. Он заглядывает в книжку и выясняет, что музей расположен на 53-й улице, идет туда и приходит в музей. На основе этого Кларк и Чалмерс утверждают, что некоторые убеждения (т. е. ментальные факторы) Отто могут храниться в его записной книжке.

Данная концепция расширенной психики базируется на непонимании природы знака, значения и сущности коммуникации. Ситуация с Отто не является уникальной: все без исключения люди пользуются справочниками, книгами, тетрадами, записками, визитными карточками, атласами, путеводителями, компьютерами, айфонами, шпаргалками и другими информационными средствами, чтобы правильно ориентироваться в мире, давать верные ответы и совершать адекватные действия. Принципиальной разницы между Ингой и Отто нет: Инга помнит адрес музея, а Отто — нет. Но Инга не помнит или не знает массу других адресов (ресторанов, кафе, парикмахерских и т. д.). Она пользуется справочником. И в этом она ничем не отличается от Отто и других людей. Отто не помнит адрес музея, но помнит, что этот адрес помещен в записную книжку. Записная книжка Отто, справочник и другие информационные материалы Инги и других людей — это системы знаков, которые никакой психики, ментальности, мысли в себе не содержат. Эти знаки *актуализируют знания Инги, Отто и других людей, если они обладают значениями знаков, возможно различающимися. И актуализируются они только в сознании этих людей и нигде более.* Так что психика никуда за пределы субъекта при использовании внешних кодов не выходит.

Трансляционные коды как системы внешних знаков и моделей (схем, графиков, чертежей и др.) служат не носителями ментальных явлений, а условием их пробуждения, актуализации. Единственным носителем сознания (индивидуального и общественного) выступает высокоорганизованная материя — нейродинамические системы головного мозга. Моменты идеального, как в некоторых внутриличностных кодах (нейродинамических системах головного мозга), в трансляционных кодах отсутствуют. Эти коды не имеют внутрен-

ней обращенности, субъективного проявления. Например, книга, изданная 100 лет назад, равно как и в настоящее время, не есть знание и не содержит его в себе, как не содержит в себе и идеального. В книге есть лишь возможность вызывать у субъекта при определенных условиях соответствующие ментальные феномены. Содержанием сознания является информация в виде идеальных образов, а в книге информации в таком виде нет. В ней имеется только материальное знаковое выражение идеальных образов, но не они сами. При написании книги идеальные образы писателя не переходят в нее, а выражаются в ней в виде системы знаков. Поэтому содержанием книги является не сознание и не знание, а лишь система знаков, которую следует считать не отражением действительности, а только ее *кодовой репрезентацией*. Отражением действительности являются значения знаков кода (идеальные образы: понятия, представления, восприятия, ощущения), локализованные в головах субъектов. Знания, отсутствующие в собственно книге, возникают (вызываются) под действием знаков книги только в голове читающего.

Когда после прочтения книги, в обыденной жизни говорят, что ее содержанием являются те или иные теории, то к знакам книжного кода бессознательно добавляются смысловые значения, имевшиеся у субъекта. В самой книге этих значений нет. Иллюзорный характер представления о том, что в собственно книге (или в любых знаках вообще) содержатся идеальные значения (мысли, представления и др.), легко обнаруживается, например, в том случае, когда книгу пытается читать человек, не владеющий использованной автором терминологией. Для такого читателя эта книга будет тайной за семью печатями: он не может сказать, какие идеи и теории выражены в ней.

Чтобы не сложилось впечатления, что под действием знаков внешнего кода у человека актуализируются лишь те значения, которые у него уже имеются, необходимо отметить следующее важное обстоятельство. Код есть упорядоченная система знаков, находящихся в определенных отношениях и связях. Значения кодов у субъекта также связаны, поскольку в памяти индивида фиксируется не дискретное множество значений отдельных слов, а семантическая система данного языка, которая очерчивает границы возможного употребления каждого слова. Семантическая система является интерсубъективной, общей для всех носителей языка. Что же происходит при восприятии знака и кода в целом? Знак только актуализирует значение, а код еще и устанавливает новые связи между значениями, ставит их в определенные новые отношения друг к другу. За счет формирования этих вновь устанавливаемых связей и отношений у адресата возникает новое знание, в том числе и новые значения.

Изложенное позволяет предложить следующую схему одностороннего коммуникативного акта: идеальный (ментальный, психический) образ (или образы) у передающего информацию — кодовое преобразование (выражение образов) — система материальных знаков в канале связи (код-модель или код-немодель) — кодовое преобразование (актуализация значений и установление новых связей между ними) — идеальный образ (или образы) у воспринимающего информацию. Реципиентом знаков может быть и сам автор информации, если он, например, читает ранее написанный им текст, как это происходит в описанном выше случае с Отто. Как видим, идеальные образы, составляющие индивидуальное и общественное сознание, присущи только начальному и конечному звеньям системы коммуникации, вне субъектов их нет. Таким образом, все ментальные явления локализованы только в головах людей — творцов и восприимчивых духовных ценностей.

Механизм воздействия знаков на адресата при восприятии им информации заключается в том, что знаки *актуализируют*, пробуждают у него уже имеющиеся значения, т. е. идеальные образы тех объектов, которые обозначены данными знаками. При передаче информации от субъекта вовне его идеальные образы *выражают* с помощью соответствующих знаков, но сами по себе эти образы в знаки не входят. Актуализация значений (образов) знаками и обратное их выражение вовне в виде знаков осуществляется благодаря наличию временной связи между отражением знака в *мозге* адресата и отражением в *мозге* обозначенного предмета. Нервное возбуждение, вызванное воздействием знака, приводит к активации нейродинамической системы, являющейся кодом значения, т. е. образа обозначенного предмета.

Психологически актуализация значения и отнесение знака к предмету обозначения происходит в виде ассоциации, протекающей бессознательно: восприятие знака переживается как образ самого обозначенного предмета. Бессознательный характер актуализации значения служит, по мнению авторов статьи, психологической причиной довольно распространенного убеждения, будто коммуникативный знак в самом себе содержит значение. Так, согласно А.М. Минасяну, «знак является единством идеального содержания и материального средства его выражения» [16, с. 47]. А.М. Манасян сделал вывод о том, что материальные предметы культуры сами по себе, без человека, обладают идеальной сущностью.

Аналогичной точки зрения придерживался К. Поппер, полагавший, что знаки на бумаге содержат объективное знание, образующее особый автономный третий мир [17, с. 450, 451]. Чтобы помочь лучше уяснить это положение, К. Поппер предлагал следующий мысленный эксперимент: представим, что человеческий род исчез, а биб-

лиотеки остались. Книги из этих библиотек могут быть дешифрованы, например, пришельцами из космоса. Это, по мнению К. Поппера, свидетельствует об объективном нахождении в книгах знания. Пришельцы действительно могут дешифровать земной текст, но только в том случае, если он будет содержать какие-то понятные им знаки и изображения (графики, иллюстрации, чертежи, схемы, диаграммы), т. е. если пришельцы уже будут обладать значениями некоторых элементов текста. Другим элементам текста значения будут приписаны.

Говоря о взглядах К. Поппера на процесс функционирования знания, интересно отметить, что его положение о нахождении в знаках значений противоречит его же положению о внепространственности и вневременности третьего мира. Логично было бы считать, что, если значения (как знание, выраженное в актах коммуникации) находятся в знаках, то знание (как совокупность значений) локализовано в пространстве, а именно — в том пространстве, которое занимают данные знаки. Этот вывод был бы, конечно, неверным (так как значения локализованы в мозге субъекта), но он показывает противоречие во взглядах К. Поппера: сначала автор пишет, что знание находится в знаках, затем — что нигде не находится, существует вне пространства и времени. Значения действительно локализованы в пространстве, но не в пространстве текста — системы знаков, — а в пространстве мозга, именно в соответствующих нейродинамических системах. И современная психофизиология как раз начала решать эту проблему.

По справедливому замечанию А.М. Анисова, «тексты сами по себе — мертвые груды клякс на бумаге. Даже если в результате ее функционирования удалось получить за приемлемый промежуток времени нечто достойное внимания, то это означает лишь, что нашлась комбинация синтаксических значков, которой можно приписать смысл, т. е. его там не было, он был сопоставлен значкам в тот момент, когда текст был прочитан... Изначально текст как физический объект лишен семантических характеристик» [18, с. 110]. Авторы статьи согласны с А.М. Анисовым в том, что само знание не содержится в текстах и других культурных продуктах, как таковых. «Оно целиком принадлежит ментальному миру...» [18, с.111]. Но нельзя признать правильной его аналогию, согласно которой, «отношение знаний к текстам примерно такое же, как отношение мозга к мышлению... Разделяемая многими мысль о том, что в физических значках воплощены ментальные объекты, сродни не менее широко распространенной мысли, что в нейронах, синапсах и прочих структурах мозга скрыта тайна мышления. Эти точки зрения ошибочны» [18, с. 111].

В буквенных значках, так же, как и в других трансляционных кодах, созданных людьми, действительно не содержится значений и каких-либо идеальных образований. Но совершенно по-другому обсто-

ит дело с нейродинамическими кодами головного мозга человека и высших животных. *Это пока единственный из известных тип кодов, которые обладают способностью субъективного проявления, внутренней обращенности.* Содержащаяся в них информация переживается человеком или животным как образы и различные ментальные состояния. Нейродинамические коды головного мозга — это то место, где зарождаются ощущения и другие психические переживания, которое можно именовать душой. Поэтому расшифровка нейродинамических кодов — магистральное направление в исследовании проблемы сознания и мозга.

Информационный процесс в трансляционных кодах, в том числе в различных текстах, целиком материален, он не содержит в себе идеальной (субъективно-реальной) компоненты. Информационный процесс в нейродинамических кодах головного мозга удваивается: он существует материально как мозговая нейродинамика функциональных систем; наряду с этим он имеет субъективное проявление, переживается субъектом как чистая информация об отражаемой реальности.

Притом, с точки зрения третьего лица (внешнего наблюдателя), мозговой информационный процесс чисто объективен, и сторонний наблюдатель никаких ощущений, мыслей и иных ментальных явлений в мозге другого человека не обнаружит. Г. Лейбниц был прав, когда писал: «Вы можете вообразить увеличенный мозг и войти в него как в мельницу, увидеть происходящее там, но не обнаружить ничего, что напоминало бы мышление» [19, с. 415]. С точки зрения первого лица (субъекта саморефлексии) мозговой информационный процесс субъективен, т. е. в самонаблюдении он переживается как ощущения, мышление, эмоции и другие ментальные явления. А материальный носитель этих ментальных явлений скрыт от первого лица: человек не чувствует, что его ощущения и мышление реализуются деятельностью головного мозга.

Совершенно непонятно, как конкретно осуществляется субъективное проявление материального информационного процесса, т. е. как материя становится ощущающей, а затем и мыслящей, и возникает ментальное. Это фундаментальная нерешенная проблема философии и науки. В англоязычной литературе эту проблему именуют трудной проблемой сознания, и она действительно очень сложная. Можно пока лишь предположить, что информационные процессы приобретают способность к субъективному проявлению, т. е. к порождению духа, в ходе эволюции при достижении ими какого-то критического уровня сложности.

Иллюзия о том, что ментальное значение содержится в знаке и тексте как их совокупности, дала о себе знать в языке, в частности, обусловила выражение: «Знак обладает значением». В отечественной литературе показано, что знак не может существовать без значения,

в то же время оно не может находиться внутри материала знака [12, с. 124]. Разрешение антиномии «значение находится и не находится в знаке» может быть следующим: *значение, идеальное по своей природе, локализовано в субъекте (в нейродинамических кодах его головного мозга), но актуализируется оно знаком.* Оно является свойством не одного субъекта и не одного знака, а всей знаковой ситуации. Значение есть не просто образ предмета, взятый автономно, а образ, соотнесенный в знаковой ситуации со знаком, обозначающим данный предмет. Хотя языковую практику перестраивать трудно, но следовало бы говорить не «знак обладает значением», а «знак характеризуется соотносимым с ним значением», «знак актуализирует значение», «значение, соответствующее знаку» и т. п. Обладает значением в буквальном смысле слова только субъект. Иллюзорный характер представления о локализации значения в знаке выявляется, как отмечалось выше, в случае, когда субъект имеет дело с незнакомыми знаками и воспринимает их просто как физические явления.

К сожалению, представители англо-американской аналитической философии не знакомы с отечественной философией, которая давно уже раскрыла кодово-семиотический механизм коммуникации, природу знака и значения в трудах И.С. Нарского, В.С. Тюткина, Д.И. Дубровского, Н.И. Губанова. В свете работ отмеченных авторов дискуссии о «внешних убеждениях Отто» выглядят несколько наивными, устаревшими на четыре десятка лет, поскольку повторяют ошибку советского философа А.М. Минасяна и его последователей о том, что определенные явления сознания непосредственно локализованы в предметах культуры и сохраняются там в отсутствие людей; даже клинописный текст исчезнувшей цивилизации, утверждал А.М. Минасян, содержит идеальные сущности [16].

Выход ментальных явлений за пределы мозга, вернее появление новой формы сознания и интеллекта как его части, возможны, по-видимому, только в случае создания искусственной информационной системы, которая по сложности должна быть сравнима с мозгом, способна решать творческие и нравственные проблемы и превратиться в личность. Допустимо, как предполагают сторонники движения «Россия 2045», использование искусственной системы для перемещения в нее духовного мира (т. е. душ) существующих людей. Средством, позволяющим определить, стала ли искусственная система обладать сознанием и превратилась ли в личность, может служить тест А. Тьюринга: если в результате неограниченно долгого (но не визуального) общения с компьютером и обсуждения любых тем у человека возникло впечатление, что он общался с человеком (не обязательно умным), то следует признать, что искусственная система приобрела сознание и стала личностью. Правомерен ли этот тест? Здесь

сознание — сущность, а речь — явления. Если две системы явлений *полностью* совпадают, то и их сущности *одинаковы*. Следовательно, тест правомерен. В противоположном случае необходимо признать, что явления (речь) могут быть без сущности (сознания), а это противоречит принципу единства сущности и явления. Заметим, что здесь не решается вопрос о возможности создания полноценного искусственного интеллекта, такая возможность допускается условно.

Итак, авторы статьи подвергли критике концепцию персонализма, растворяющую ментальные явления в системе перцептивно-предметной деятельности и общественных отношений. Рассмотренная концепция расширенной психики растворяет ментальные явления в знаковых системах, которые сейчас используются людьми. Авторы надеются, что учет изложенных аргументов будет способствовать достижению консенсуса в вопросе о локализации ментальных явлений.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Царегородцев Г.И., Шингаров Г.Х., Губанов Н.И. *Философия*. Москва, СГУ, 2012, 452 с.
- [2] McDowel J. *Meaning, Knowledge and Reality*. Cambridge, Harvard University Press, 2001, 478 p.
- [3] Bennet M., Hasker P. *Philosophical Foundations of Neuroscience*. Oxford, Blackwell Publishing, 2003, 480 p.
- [4] Бэкхерст Д. Психика, мозг и образование. *Вопросы философии*, 2013, № 11, с. 50–65.
- [5] Михайлов Ф.Т. *Загадка человеческого Я*. Москва, Политиздат, 1976, 288 с.
- [6] Любутин К., Пивоваров Д. *Синтетическая теория идеального*. Екатеринбург, Псков, Изд-во Псков. обл. ин-та повышения квалификации работников образования, 2000, 207 с.
- [7] Леонтьев А.Н. *Проблемы развития психики*. Москва, Мысль, 1965, 572 с.
- [8] Губанов Н.И., Губанов Н.Н. О пространственных свойствах ментальных явлений. *Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова*, 2014, № 3, с. 90–96.
- [9] Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Субъективная реальность и пространство. *Вопросы философии*, 2015, № 3, с. 45–54.
- [10] Спиркин А.Г. *Сознание и самосознание*. Москва, Политиздат, 1972, 303 с.
- [11] Ушаков Г.К. Галлюцинации. В кн.: *Большая медицинская энциклопедия. В 36 т. Т. 4*. Москва, Советская энциклопедия, 1957, с. 562.
- [12] Губанов Н.И., Губанов Н.Н. *Ментальное и физическое пространство*. Москва, Международный издательский центр «Этносоциум», 2016, 144 с.
- [13] Clark A., Chalmers D. The Extended Mind. *Analysis*, 1998, vol. 58, pp. 7–19.
- [14] Menary R., ed. *The Extended Mind*. Cambridge, MIT Press, 2010, 392 p.
- [15] Деннет Д. *Виды психики: на пути к пониманию сознания*. Москва, Идея-Пресс, 2004, 184 с.
- [16] Минасян А.М. *Диалектический материализм (учение о сознании)*. Ростов-на-Дону, Изд-во Ростовского университета, 1974, 234 с.
- [17] Поппер К. *Логика и рост научного знания (избранные работы)*. Москва, Прогресс, 1983, 605 с.

- [18] Анисов А.М. Типы существования. *Вопросы философии*, 2001, № 7, с. 100–112.
- [19] Лейбниц Г. *Монадология. В 4 т. Т. I*. Москва, Мысль, 1982, с. 413–429.

Статья поступила в редакцию 15.05.2017

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Губанов Н.Н., Губанов Н.И., Денисова И.В. Наука о пространственной локализации ментальных явлений. *Гуманитарный вестник*, 2017, вып. 7.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-7-455>

Губанов Николай Николаевич — д-р филос. наук, доцент кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: gubanovnn@mail.ru

Губанов Николай Иванович — д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия и история» Тюменского государственного медицинского университета. e-mail: gubanov48@mail.ru

Денисова Ирина Викторовна — канд. эконом. наук, старший преподаватель кафедры «Философия и история» Тюменского государственного медицинского университета. e-mail: irina_78_78@mail.ru

The science of spatial localization of mental phenomena

© N.N. Gubanov¹, N.I. Gubanov², I.V. Denisova²

¹Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

²Tyumen State Medical University, Tyumen, 625023, Russia

The article presents criticism of the concept of personalism. According to the concept the system of perceptive-objective activity and social relations serves as the immediate bearer of mental (psychic) phenomena. It is shown that brain neurodynamic systems are such a bearer, and perceptive-objective activity is one of the conditions for the adequacy of sensory cognition.

The weakness of the concept of extended psyche, widespread in Anglo-American philosophy, is revealed. The supporters of the concept recognize the existence of mental phenomena in the sign systems used by people now. It is substantiated that translational codes as systems of external signs do not contain mental components and do not transfer them, but cause the latter in subjects possessing sign meanings.

Keywords: *personalism, effector concept of the mental image, cerebralism, the concept of the expanded psyche, translational codes, neurodynamic systems*

REFERENCES

- [1] Tsaregorodtsev G.I., Shingarov G.H., Gubanov N.I. *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow, Saratov State University Publ., 2012, 452 p.
- [2] Mc Dowel J. *Meaning, Knowledge and Reality*. Cambridge, Harvard University Press Publ., 2001, 478 p.
- [3] Bennet M., Hasker P. *Philosophical Foundations of Neuroscience*. Oxford, Blackwell Publ., 2003, 480 p.
- [4] Bakhurst D. *Voprosy filosofii — The Problems of Philosophy*, 2013, no. 11, pp. 50–65.
- [5] Mikhaylov F.T. *Zagadka chelovecheskogo Ya* [The riddle of the human self]. Moscow, Politizdat Publ., 1976, 288 p.
- [6] Lyubutin K., Pivovarov D. *Sinteticheskaya teoriya idealnogo* [Synthetic theory of the ideal]. Ekaterinburg, Pskov, Pskov Regional Institute for Development of Pedagogical Staff Publ., 2000, 207 p.
- [7] Leontev A.N. *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of mental evolution]. Moscow, Mysl Publ., 1965, 572 p.
- [8] Gubanov N.I., Gubanov N.N. *Vestnik Ishimskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im.P.P. Ershova — Bulletin of Yershov Ishim State Pedagogical Institute*, 2014, no. 3, pp. 90–96.
- [9] Gubanov N.I., Gubanov N.N. *Voprosy filosofii — The Problems of Philosophy*, 2015, no. 3, pp. 45–54.
- [10] Spirkin A.G. *Soznanie i samosoznanie* [Consciousness and self-awareness]. Moscow, Politizdat Publ., 1972, 303 p.
- [11] Ushakov G.K. *Gallutsinatsii* [Hallucinations]. In: *Bolshaya meditsinskaya ehntsiklopediya. V 36 tomakh. Tom 4* [Great medical encyclopedia. In 36 volumes. Vol. 4.] Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1957, 562 p.
- [12] Gubanov N.I., Gubanov N.N. *Mentalnoe i fizicheskoe prostranstvo* [Mental and physical space]. Moscow, International Publishing center “Etnosocium” Publ., 2016, 144 p.
- [13] Clark A., Chalmers D. *Analisis*, 1998, vol. 58 (1), pp. 7–19.

- [14] Menary R., ed. *The Extended Mind*. Cambridge, MIT Press Publ., 2010, 392 p.
- [15] Dennet D. *Kinds of Minds: Towards an Understanding of Consciousness*. Basic Books Publ., 1997, 192 p. [In Russ.: Dennet D. *Vidy psikhiki: na puti k ponimaniyu soznaniya*. Moscow, Idea-Press Publ., 2004, 184 p.].
- [16] Minasyan A.M. *Dialekticheskiy materializm (uchenie o soznanii)* [Dialectical materialism (the doctrine of consciousness)]. Rostov on Don, Rostov University Publ., 1974, 234 p.
- [17] Popper K.R. *The Logic of Scientific Discovery*. London, New York Routledge Publ., 1980 [In Russ.: Popper K.R. *Logika i rost nauchnogo znaniya (izbr. raboty)*]. Moscow, Progress Publ., 1983, 605 p.].
- [18] Anisov A.M. *Voprosy filosofii — The Problems of Philosophy*, 2001, no. 7, pp. 100–112.
- [19] Leibniz G. *La Monadologie*. Paris, 1930 [In Russ.: Leibniz G. *Monadologiya*. V 4 tomakh. Tom 1, Moscow, Mysl Publ., 1982, pp. 413–429].

Gubanov N.N., Dr. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: gubanovnn@mail.ru

Gubanov N.I., Dr. Sc. (Philosophy), Head of the Department of Philosophy and History, Tyumen State Medical University. e-mail: gubanov48@mail.ru

Denisova I.V., Cand. Sc. (Economics), Senior Lecturer, Department of Philosophy and History, Tyumen State Medical University. e-mail: irina_78_78@mail.ru